

ЛЕЙЛА АЛИЕВА

Бакинский славянский университет

ТУРЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ

XX век вывел на арену русско-турецких литературных связей ряд новых тем о коротком, но очень важном отрезке времени. В начале 20-х годов конец Гражданской войны и поражение Белой армии выбросили на «берег турецкий» тысячи русских беженцев – гражданское население и остатки врангелевской армии, которые разместились в Галлиполи – полуострове Турции, расположенном вдоль Дарданелльского пролива. Турция оказала большую помощь русским изгнанникам.

Само слово Галлиполи вошло в русский литературный язык, получив в эмиграции новый, символический смысл: соединение мученичества и героизма, патриотизма и верности идеалам.

По свидетельству современников, Константинополь (название, навсегда укрепленное в сознании русской эмиграции и её литературе) мог показаться «новым Вавилоном»: население города за несколько недель увеличилось на 100 тысяч человек.

Новый быт и условия жизни, столкнувшие огромные массы разноязычного населения, нашли отражение в источниках разных жанров, написанных непосредственно в это время и много позднее. В статье этот материал представлен в некоторых извлечениях.

Пребывание эмигрировавших офицеров русской армии в Галлиполи документировано представлено в книге Мирослава Йовановича «Русская эмиграция на Балканах. 1920-1940» (М., 2005), в материалах по истории Белого движения, в сборнике статей под названием «Исследования по истории русской мысли» (М., 1998), в работах по истории Гражданской войны в России и многих других источниках.

Галлиполи в переводе с греческого – «Город красоты». Непонятно, почему так называли выжженную солнцем пустыню, где короткие перебежки ящериц были единственным живым движением природы. Русские солдаты называли эту местность Голо-Поле, и это название ей подходило куда как больше.

Сам факт существования русской армии за рубежом, национальный организм с его чувством правоты и важности для будущего спасения России стал темой многих размышлений, отраженных в мемуарной и художественной литературе эмиграции первой волны.

«Галлиполийское сидение» – так названа глава в книге Д.И.Мейснера «Миражи и действительность» (М., 1966).

«Большинству или, скажем, очень многим была тогда ясна унылая бессмысленность военных упражнений, парадов, походных тренировок, изучения уставов...<...> Только потом, когда военная эмиграция рассеялась, осев в разных странах, идея продолжающейся белой борьбы опять стала живучей среди большей части бывших белых воинов»¹.

Разбитая белая гвардия попала в страну, где также кипели горячие политиче-

¹ Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966, с.108.

ские страсти. Здесь происходила своя революция.

Генерал Мустафа Кемаль Ататюрк был популярен среди белого офицерства. *«Турецкий генерал импонировал российским беглецам своим непреклонным характером, чего так не хватало, по общему мнению, Деникину и его окружению... Тогда многие среди нас говорили о том, что готовы примкнуть к борьбе, происходящей в Турции, на стороне Кемаля. В коротком военном столкновении турок и греков большинство из нас было на стороне скорее турок, чем единоверцев греков»¹.*

Жизнь российских эмигрантов в Турции и её главном городе Константинополе стала предметом описаний, сюжетов, вкраплений в ряд текстов, созданных русскими писателями, политиками, журналистами и тогда, и позднее, в мемуарной литературе.

«У Стамбула есть одна интересная особенность – он цепляет. Никто не покидает этот город равнодушным: вы либо влюбляетесь в него – в его узкие улочки, запахи и звуки, либо он вас чем-то раздражает – обычно суетой, шумом, обилием уличных торговцев, старающихся изо всех сил продать вам свой товар. Он не просто цепляет и вызывает противоречивые эмоции, но и заставляет вас чувствовать, эмоционально воспринимать окружающую действительность»².

Разумеется, жизнь в этом перенаселенном городе складывалась у русских эмигрантов по-разному; у каждого свое видение страны, языка, народа, его религии, национальных традиций.

Книга Любови Евгеньевны Белозерской-Булгаковой «У чужого порога», включенная в ее «Воспоминания» (М., 1989), открывается главой «Константинополь». В первые годы революции и Гражданской войны судьба забросила Л.Белозерскую в Константинополь, где она жила до своего отъезда в Париж со своим первым мужем, известным русским литератором Ильей Марковичем Василевским, широко известным всей читающей России под псевдонимом Не-Буква. По возвращении в Москву она стала женой М.А.Булгакова. Именно ей были посвящены роман «Белая гвардия» и пьеса «Бег», во многих своих эпизодах воспроизводившая воспоминания Л.Белозерской.

Пьеса дана в снах. Пятый сон переносит действующие лица в Константинополь. Здесь автор в ремарках предлагает постановщикам спектакля представить город в красках, звуках, рекламах, надписях, шрифтах и т.д.

«И вдруг загорается Константинополь в предвечернем солнце. Виден господствующий минарет, кровли домов. Стоит необыкновенного вида сооружение, вроде карусели, над которым красуется крупная надпись на французском, английском и русском языках: «Стой! Сенсация в Константинополе! Тараканьи бега!!! Русская азартная игра с дозволения полиции». <...> » Надпись: «Русский деликатес – вобла. Порция 50 пиастров<...> Мелькают русские в потрёпанной военной форме». В самой лаконичности ремарок есть свой художественный текст, своя стилистика.

В восьмом сне снова воспоминания о Константинополе: *«Комнаты в коврах, низенькие диваны, кальяны <...>. За стеклом догорает константинопольский минарет, лавры и вертушка тараканьего царя. Садится осеннее солнце... Закат, закат...» В описании Стамбула – его деловая и европейская часть, турецкие дома «с плотными жалюзи на окнах, со своей замкнутой, береженной от постороннего глаза жизни»³.*

В описаниях Востока часто рассказывается об оживленных крытых базарах. Но «Большой базар» – «Гран-базар» – «Капалы Чаршы» в Константинополе, наоборот, поражал своей какой-то затаенной тишиной и пустынностью. <...> Ощущение такое, что если туда попадешь, то уж не вернешься...»⁴.

Рассказы о пребывании в этом городе легли в эпизоды известной пьесы

¹ А. Козырев, Н. Голубкова. Прот. Булгаков. Из памяти сердца. Прага. (1923-1924)..,стр. 101

² Там же

³ Белозерская-Булгакова Л.Е. Воспоминания. М.: Художественная литература. 1989,стр.7

⁴ Там же, с.26

М.А.Булгакова «Бег».

О Константинополе, который казался «самым красивым городом в мире», написал Вадим Андреев (сын писателя Леонида Андреева) в своей книге «История одного путешествия»: «В Стамбуле (Стамбулом назывался в те годы не весь город, а только его южная часть) возвышались серые кубы пристроек и неповторимый овал купола Айя-Софии – «Ведь купол твой, по слову очевидца, как на цепи подвешен к небесам» (О.Мандельштам). Огромную площадь Баязета охраняли темно-голубые свечи минаретов, и небо над городом казалось безграничным»¹.

Здесь рассказано многое о жизни военной молодежи, выброшенной после разгрома Белой армии без всяких средств существования в этот пестрый и многоязычный город. Местами для ночевки и спасения от холода стали крыши минаретов. Устраивались кто как мог: кого-то приютил тесный монастырь св. Андрея в Каракее, кому-то разрешали ночевать в конюшнях дворца Долма-Бахче, а кто-то просто улегся на берегу моря под перевернутыми лодками. «Количество беженцев увеличивалось со дня на день <...> , и от зари до зари клокотала пестрая , грязная, горляющая, бешеная толкучка, страшный центр всей русской жизни в Константинополе»².

Это были годы оккупации Константинополя союзными войсками – французами, англичанами и др. «В то время женское население города, протестуя против оккупации, носило траурные черные платья и редко открывало лица, – Константинополь был единственным городом Оттоманской империи, где женщинам разрешалось поднимать чадру»³.

Экзотический, орнаментированный в восточных сказаниях и сказках Стамбул предстает в своем «затрапезном виде» в рассказах замечательного писателя-юмориста Аркадия Аверченко. Это и освоение нового пространства в неисчислимых новых названиях улиц, площадей, мостов, переулков. В рассказе «Русское искусство» актриса объясняет: «Где я живу? Позвольте. Не то Шашлы-Башлы, не то Биюк-Темрюк. А может быть, и Казанлы-Базанлы. Впрочем, дайте мне лучше карандаш и бумажку, я вам нарисую.

Отчасти делается понятна густая толпа, толкущаяся на Пере: это все русские стоят друг против друга и по полчаса объясняют свои адреса: не то Шашлы-Башлы, не то Бабаджан-Османлы. Выручают обыкновенно карандаш и бумажка, причем от правой пункт – Токатлиан: это та печка, от которой всегда танцует ошалевший русский беженец»⁴.

Герои рассказа – известная петербургская драматическая актриса, писатель, командовавший когда-то армией генерал, преобразившиеся, как и многие другие представители высших слоев русского общества, в кухарок, горничных, швейцаров, а позднее в Париже, Берлине, Праге – в шоферов такси, уличных разносчиков и др.

Константинополь вошел отдельной главой в известную книгу В.Шульгина «1920 год. Очерки» (Л. Прибой, 1927). Город напоминает автору Петроград. «Золотой Рог – будто Нева. По одну сторону – как будто бы Петроградская сторона, там набережная. Не очень похоже, но есть что-то общее. Красиво... Очень красива эта симфония огней. Толпа непрерывно струится через мост. Тепло... Как теплый вечер в начале октября в Петрограде. Боже, где все это?»⁵.

«Я давным-давно страшный, убежденный туркофил. В столице народа, с которым мы воевали века, воевали и в последнюю войну, в столице, на которую мы столько раз и совершенно открыто претендовали, желая взять ее себе, только тут

¹ Андреев В.Л. История одного путешествия. Повести. М., Советский писатель. 1974

² Там же

³ Там же, стр.193

⁴ Аверченко А. Одиннадцать слонов. Рассказы. М.: Современник, 1989. стр.124

⁵ Шульгин В. 1920 год. Л.: Прибой; 1927, стр.252

⁶ Там же, стр. 258

несется неумолчный крик: – Харош, урус, харош... Чудесны дела твои, Господи!..»⁶.

Недолгое константинопольское жительство представлено в книге Дон-Аминадо «Поезд на третьем пути» (М., 1991): «На шестые сутки – берега Анатолии. Мирт и лавр, и розы Кадикэя. Босфор, Буюк-Дере. Дворцы, мечети, высокие кипарисы. Колонна Феодосия. Розовые купола Святой Ирины в синем византийском небе. И над всем, над прошлым, над настоящим, сплошной довременный хаос, абсурд, бедлам, международный сумасшедший дом, который никакой прозой не запечатлеть, никаким высоким штилем не выразить.

*Дрожит в воде, в воде Босфора,
Резной и четкий минарет.
И муэдзин поет, что скоро
Придет, вернется Магомет.¹*

В «Галатских переулках» Ильи Сургучева² перед нами другой Стамбул. «Старые, то двух, то трехэтажные, дома – старые-старые: кажется, что они – еще генуэзской постройки. Нижние этажи этих домов разделены на клетки».

«Реки Вавилонские» – пьеса И. Сургучева, написанная им в бедности и отчаянии во время короткого пребывания в Константинополе. Действие разыгрывается в бараке одного из лагерей для эмигрантов-беженцев. Герои пьесы – люди разных социальных слоев: губернатор, прокурор, филёр (из Особого отдела), камер-юнкер, несправимые монархисты, художники, монахи Киево-Печерской Лавры, помещик, церковный староста. Один из героев так говорит об этом: «Когда еще такая компания собиралась под луной».

Действующие лица ведут разговоры о прошлом, невозвратимом времени.

Воспоминания о дворцах, Царском Селе, цветущей сирени, подстриженных деревьях.

Традиционное осмысление всего происшедшего, любовь к далекой и уже непостижимой Родине...

«Губернатор: Его Величество встал в добром здравии, был милостив, кормил сахаром лошадей. А мой дворец одними окнами, из служебного кабинета, выходил на бульвар, а другими – из столовой на реку. Терраса была широкая такая, во весь дом, – хоть свадьбу играй. Бывало, летним вечером сядешь пить чай, – плывут пароходы, огни зеленые, огни красные. Бинобль возьмишь – у меня хороший бинобль был, цейсовский, – людей видишь: в фуражке купец-старовер, палуба первого класса, палуба второго класса.

Губернаторша (из соседней кабинки.): Замолчи, Вольдемар! Ну, что опять разболтался? Кому что нужно? Совсем в детство впадать начал».

«Помещик: Я восемь тысяч десятин имел. Своя дача в Крыму, около Алупки. Драгоценности какие были! Вспомнить страшно. Дворянство пятой книги. Связи в Петербурге, связи в Москве. Актеры Малого театра своими людьми в доме были».

Окончанию пьесы предшествует пауза и реплики двух не названных персонажей:

«2-й: Идет вечер. С ним сон.

1-й: Сны мимолетные, сны беззаботные.

2-й: Природа каждый день приучает человека к смерти. Засыпая, ты ложишься

¹ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М. Книга. 1991. стр.231-232

² Сургучев И. Реки вавилонские. Литература русского зарубежья. Антология в шести томах, т. I. Кн. 1 М.: Книга, 1991.

в гроб. Просыпаясь – воскресает. И разве так страшна смерть? Сон».

Константинополь вспоминает герой рассказа И.Бунина «В Париже», город, где его бросила молодая жена. *«Постыдно. Тоже был мальчишка, красавец греченок, чрезвычайно богатый. И в месяц, два не осталось и следа от чистой трогательной девочки, которая просто молилась на Белую армию, на всех нас. Стала ужинать с ним в самом дорогом кабаке в Пера, получать от него гигантские корзины цветов... Нелегко было забыть ее, – прежнюю екатеринодарскую...»¹*

Стамбул упоминает протоиерей С.Булгаков в своих дневниковых записях «Ялтинский и Константинопольские дневники».

«Вот мы уже вторую неделю в долгожданной, «златоверхой» Праге. Сидим в каменной клетке «Свободарни» и вспоминаем, как Царство Небесное, матушку Россию и, как сказку, пленительный Стамбул»².

Из мемуарной литературы отметим также книгу А.Н.Вертинского «Четверть века без родины. Страницы минувшего», оставившего и свои воспоминания о Стамбуле.

«Константинополь. Рано утром мы вошли в Босфор. Нашим глазам предстала панорама из тысячи и одной ночи. Залитый огнями Золотой Рог. Сахарно-белые дворцы султанов со ступенями, сходящими прямо в воду. Море огней. Тонкие иглы минаретов. Башня, с которой сбрасывали в Босфор неверных жен. <...>

Я сошел с парохода. В Константинополь. В эмиграцию. В двадцатилетнее добровольное изгнание. В долгую и горькую тоску»³.

В «Рассказах о свободном времени» Гайто Газданов – русский писатель-эмигрант, прозаик, литературный критик – рассказал о Константинополе (Царьграде), очаровавшем русских эмигрантов-изгнанников своей красотой и сказочностью.

«Мы гуляли по улицам Константинополя, очень хорошего города. С европейских высот мы видели территорию Касым-Паши – рухнувшее величие могучей тысячелетней империи. Мы попадали в узкие переулки Стамбула, где маленькие ослы невымершей древней породы возили на своих спинах связки дров и высокие корзины с провизией. Женщины с закрытыми лицами несли узкогорлые кувшины – это напоминало нам картины из Библии. Неподвижные турки, целыми днями просиживающие в кофейнях, постигали, как нам казалось, самые сокровенные тайны Востока»⁴.

В 1920 году Гайто Газданов пароходом уехал в Турцию. В Константинополе он написал свой первый рассказ («Гостиница грядущего», 1922). Он был признан одним из одаренных писателей, появившихся в эмиграции.

Турция оказала большую помощь русским эмигрантам-изгнанникам. Здесь, в этой великолепной стране, и сегодня не забыли далеких русских изгнанников. Им посвящаются книги, пишутся статьи, снимаются документальные фильмы. Книга Марины Сигирджи «Спасибо Константинополь! По следам белоэмигрантов в Турции»⁵ посвящена русским эмигрантам, которые после революции и Гражданской войны оказались в Турции.

¹ Бунин Иван. Темные аллеи. В Париже. Издательство АСТ, 2011. стр. 35

² Булгаков С. Из памяти сердца. <http://ivashkek.com/en/biography/diaries/592-iz-pamyati-serdtsa-praga-1923-1924-predislovie-kozyreva-a>

³ Вертинский А.Н. Страницы минувшего.

⁴ Гайто Газданов. Рассказы о свободном времени. // Воля России. 1927. №№ 8–9.

⁵ Сигирджи Марина. Спасибо, Константинополь! По следам белоэмигрантов в Турции. Европейский дом. ISBN: 978-5-8015-0391-2. 2018)